

В своей предыдущей лекции я отметил то особое место, которое в период с XV по XVIII век занимал огромный сектор самодостаточного натурального хозяйства, остававшегося, в основном, совершенно чуждым экономике обмена. Даже в Европе, наиболее развитой части мира, вплоть до XVIII века, и даже позднее, имелись многочисленные зоны, мало участвовавшие в общей жизни континента и упорно продолжавшие вести замкнутое существование в условиях почти полной изоляции.

Сегодня я хотел бы остановиться на вещах, относящихся непосредственно к обмену, для обозначения которых будут использованы два термина: *рыночная экономика* и *капитализм*. Использование двух терминов указывает на то, что мы предполагаем различать оба эти сектора, которые, на наш взгляд, не сливаются в единое целое. Повторим, впрочем, что эти два рода деятельности - *рыночная экономика* и *капитализм* - до XVIII века оставались в меньшинстве и что огромная масса человеческих действий охватывалась, поглощалась огромной сферой *материальной жизни*. Если рыночная экономика и распространялась вширь, если она и покрывала уже обширные пространства и достигла зримых успехов, то слой ее был все еще по-прежнему тонок. Что же касается той реальности Старого Порядка, которую я - правильно или не вполне правильно - называю *капитализмом*, то она принадлежит блестящему, усложненному, но весьма узкому слою, не охватывающему всей экономической жизни, и не создававшему - здесь исключения лишь подтверждают правило - собственного "способа производства", который обладал бы внутренней тенденцией к самораспространению. И даже так называемый торговый капитализм был пока еще далек от того, чтобы овладеть и управлять рыночной экономикой в целом, хотя последняя и является необходимым предварительным условием его господства. И все же роль капитализма на национальном, международном и мировом уровне становилась уже очевидной.

Рыночная экономика, о которой я уже говорил в первой главе, предстает перед нами в достаточно ясном и недвусмысленном виде. По правде говоря, историки отводили ей главенствующее место. Именно к ней приковано всеобщее внимание. По сравнению с ней, производство и потребление представляют собой еще мало обследованные континенты, их количественный анализ пребывает в начальном состоянии. Эти миры нелегко понять. Напротив, вокруг рыночной экономики не утихают разговоры. Ей посвящены многие страницы архивных документов - в городских архивах и частных

семейных архивах купцов, документы судебных органов и полиции, записи дебатов в торговых палатах, книги нотариусов... Как же ее не заметить и как ею не заинтересоваться? Она так и не сходит со сцены.

Возникает, естественно, опасность, что лишь она останется в поле зрения, лишь ее будут описывать во всем великолепии жизненных подробностей, упорно создающих иллюзий ее непосредственной реальности, в то время как она - лишь часть обширного целого, которой сама се природа отводит скромную роль связующего элемента между производством и потреблением, и которая до XIX века представляла собой лишь более или менее плотный и прочный слой, простертый между океаном повседневной жизни, служащим ей опорой, и процессами капитализма, которые в доброй половине случаев оказывали на нее управляющее воздействие.

Немногие историки ясно осознают наличие этого предела, которой, ограничивая рыночную экономику, определяет ее сущность и указывает на ее подлинную роль. Витольд Кула как раз принадлежит к тем немногим, на кого не производят чрезмерного впечатления колебания рыночных цен, их всплески и падения, их кризисы, их далекие корреляции и тенденции к выравниванию - короче, все, что делает ощутимым постоянное увеличение объема обменов. Воспользуемся одним из созданных им образов: важно всегда заглядывать на дно колодца, достигая взглядом глубоко лежащей массы воды - *материальной жизни*, которую, конечно, затрагивают рыночные цены, однако далеко не всегда проникая в нее и увлекая ее за собой. Так и любая экономическая история будет катастрофически неполной, если она не сумеет учесть эти два регистра - надземную часть колодца и его дно.

При всем этом вполне очевидно, что зона этой динамичной жизни, каковой является рыночная экономика, в период с XV по XV11I век непрерывно расширялась. Признаком, который указывает на этот факт и подчеркивает его, является цепная реакция изменения рыночных цен, преодолевающая любые пространства. Цены приходят в движение во всем мире: в Европе, согласно бесчисленным свидетельствам наблюдателей, но также в Японии и Китае, в Индии, во всем исламском мире (в частности, в Османской империи), в Америке - в тех ее частях, где рано начинают играть свою роль драгоценные металлы, т.е. в Новой Испании, Бразилии, Перу. И повсюду наблюдается относительное соответствие цен, выравнивание которых происходит с более или менее ощутимыми сдвигами во времени. Эти сдвиги едва заметны в Европе, где экономика различных стран тесно связана между собой, однако в Индии конца XV - начала XVI века такие разрывы достигают двадцати и более лет по отношению к Европе.

Короче, так или иначе, *определенная* экономика уже связывает различные рынки мира, эта экономика вовлекает в свои потоки лишь отдельные редкие товары, а также драгоценные металлы и привилегированных путешественников, уже совершавших кругосветные путешествия. Испанские *восемьмерные монеты*, чеканившиеся из американского "белого металла", через Средиземное море, Османскую империю и Персию достигали Индии и Китая. С 1572 года американский "белый металл" пересекает и Тихий океан, и на этот раз новым путем, через Манилу, также попадает в Китай.

Как же этим связям, этим цепочкам, этим потокам, этим главным маршрутам не привлечь внимания историков? Эти зрелища завораживают историков так же, как они завораживали современников. Даже первые экономисты, - что, вы думаете, они в *действительности* изучают, если не спрос и предложение на рынке? На что же направлена жесткая экономическая политика городов, если не на контроль за городскими рынками, их снабжением, их ценами? И любой монарх, едва в его актах начинает просматриваться некая экономическая политика, о чем он заботится? - не о национальном ли рынке, не о торговом ли флоте страны, нуждающемся в защите, не о национальной ли промышленности, которую необходимо поддерживать на внутреннем и внешнем рынке? Именно в этой узкой и чувствительной зоне рынка оказывается возможным и логичным - действовать. Она чутко реагирует, как свидетельствует ежедневная практика, на предпринятые шаги. В результате сложилось устойчивое мнение - справедливое или не вполне, - что обмен сам по себе играет решающую, уравнивающую роль, что с помощью конкуренции он сглаживает неровности, согласует предложение и спрос, что рынок - это скрытое и благосклонное божество, "невидимая рука" Адама Смита, саморегулирующаяся система, какой представлялся рынок в XIX веке, основа экономики, если придерживаться выдвинутого тогда лозунга о полной свободе торговли ("*laissez faire, laissez passer*").

Эти представления отчасти истинны, отчасти недобросовестны, отчасти иллюзорны. Разве можно забыть, как часто рынок искажался, фальсифицировался, как фактические или официальные монополии произвольно устанавливали цены? И особенно важно, признавая позитивную роль конкуренции, создаваемой рынком ("первая вычислительная машина на службе человека"), отметить, что рынок представляет собой лишь несовершенную связь между производством и потреблением, - несовершенную хотя бы в силу того, что она является *неполной*. Подчеркнем последнее слово - *неполная*. В самом деле, я верю в достоинства и важное значение рыночной экономики, но я не верю в ее полное господство. Между тем, до сравнительно недавнего времени экономисты рассуждали лишь в рамках ее схем и руководствуясь ее уроками. Для Тюрго в обращении и заключалась ни много ни мало вся экономическая жизнь. Значительно

позднее Давид Рикардо также замечает лишь узкую, хотя и бурную реку рыночной экономики. И если в течение последнего полувека экономисты, наученные опытом, уже не ратуют за автоматические выгоды экономического либерализма (*.laissez faire*), то этот миф пока еще не выветрился из общественного сознания и еще витает над политическими дискуссиями сегодняшнего дня.

II

В конечном счете, если я употребил слово "*капитализм*" в дискуссии об эпохе, в которой, как по-прежнему считается, у него нет "права гражданства", то это потому, что мне нужен был термин, отличный от термина "*рыночная экономика*", для обозначения явно другой деятельности. В мои намерения, разумеется, не входило "впустить волка в овчарню". Я прекрасно знал (ведь столько историков уже говорили - и со знанием дела), что этот боевой клич двусмыслен, дьявольски наполнен современностью, а потенциально - и анахроничен. И если, пренебрегая осторожностью, я распахнул перед ним дверь, у меня на это были многие причины.

Прежде всего, некоторые процессы, протекавшие между XV и XVIII веком нуждаются в особом названии. Присмотревшись к ним, убеждаешься, что простое отнесение их к рыночной экономике в обычном понимании граничит с абсурдом. Слово же, которое при этом само приходит на ум - это *капитализм*. В раздражении вы гоните его в дверь - оно тут же возвращается в окно. Ибо вы не находите для него адекватной замены - и это симптоматично. Как сказал один американский экономист, лучшим доводом за использование слова *капитализм*, как бы его не порочили, является гот факт, что не найдено ничего другого, чтобы его заменить. Конечно, этот термин обладает существенным недостатком: за ним тянется целый шлейф споров и ссор. Однако эти ссоры - добрые, менее добрые и вовсе вздорные - не могут быть, по правде говоря, проигнорированы; нельзя действовать и вести обсуждение так, как если бы их не существовало. Есть и еще более серьезный недостаток: это слово наполнено смыслом, который придает ему современная жизнь.

Ибо слово *капитализм* входит в широкое употребление в самом начале XX века. Я склонен усматривать, с некоторой долей произвола, разумеется, что его реальное вхождение в современный язык связано с появлением в 1902 году широко известной книги Вернера Зомбарта "*Современный капитализм*" ("*Der moderne Kapitalismus*"). Маркс этого слова практически не употреблял. И вот нам напрямую грозит обвинение в худшем из грехов - анахронизме. "Никакого капитализма до промышленной революции не было, - воскликнул однажды один еще молодой историк, - капитал - да, но капитализм - нет!"

Между тем никогда даже далекое прошлое не отделено от современности непреодолимой пропастью, между ними не может не быть определенной преемственности или, если угодно, контаминации. Опыт прошлого постоянно находит свое продолжение в настоящем и наполняет его. Вот и многие историки, причем не из последних, замечают ныне, что признаки промышленной революции появляются задолго до XVII века. Возможно, лучшим доказательством, чтобы в этом убедиться, будет картина, наблюдаемая в некоторых современных развивающихся странах, которые, имея, так сказать, успешный пример для подражания перед глазами, предпринимают неудачные попытки провести у себя промышленную революцию. Короче, похоже, что эта нескончаемая и постоянно вызывающая споры диалектика прошлого-настоящего, настоящего-прошлого просто является средоточием и смыслом существования истории.

III

Вам так и не удастся призвать к порядку и определить слово *капитализм* так, чтобы оно служило исключительно целям исторического объяснения, если вы не поместите его в рамку, очерченную двумя словами, которые поддерживают его и придают ему его смысл:

это слова *капитал* и *капиталист*. *Капитал* - это осязаемая реальность, совокупность легко идентифицируемых средств, постоянно находящихся в работе;

капиталист - это человек, который управляет или пытается управлять включением капитала в непрерывный процесс производства, на поддержание которого обречены любые общества; *капитализм* - это в общих чертах - но только в общих - тот способ, которым проводится - обычно в не самых альтруистических целях - бесконечная игра такого включения.

Ключевым словом является *капитал*. В работах экономистов оно приобрело ярко выраженное значение "*капитальные богатства*". Оно не означает, таким образом, только накопленную сумму денег, но и могущие быть использованными и используемые - результаты любого прошлого труда: капитал - это дом, собранное зерно, корабль, дорога. Однако капитальные богатства оправдывают свое имя лишь в том случае, если они участвуют в возобновляемом процессе производства: деньги, составляющие неиспользуемое сокровище, не являются капиталом, не будет им и неиспользуемый лес и т.д. Приняв это к сведению, задашься вопросом: известно ли нам хотя бы какое-нибудь одно человеческое общество, которое не накапливало бы капитальных благ, которое не использовало бы их регулярно в своей трудовой деятельности, и которое в ходе этой деятельности не восстанавливало бы их, не заставляло бы их приносить доход? Самая бедная деревня XV века на Западе имела дороги, поля очищенные от камней, окультуренные земли, ухоженные леса, живые изгороди, сады, водяные мельницы,

запасы семян... Расчеты, произведенные для экономик Старого Порядка, показывают, что соотношение между совокупным продуктом года работы и суммой капитальных богатств - тем, что по-французски принято называть достоянием (*patrimoine*) - составляло 1 к 3 или 4, т.е., в сущности, было тем же, что Кейнс допускал применительно к современным экономикам. Таким образом, каждое общество, вероятно, имеет в качестве резерва эквивалент трех или четырех годовых доходов, который оно использует для успешного ведения производства; впрочем, это достояние лишь частично привлекается для этих целей, никогда на все 100 процентов.

Оставим, однако, эти проблемы. Вам они известны не хуже, чем мне, Я должен вам, в сущности, объяснить лишь одну вещь: каким образом я могу провести значимое различие между *капитализмом* и *рыночной экономикой*. Между *рыночной экономикой* и *капитализмом*.

Конечно же, вы не ждете от меня абсолютного противопоставления - вот, мол, внизу вода, над ней

- масло. Экономическая реальность не состоит из простых веществ. Однако, вам нетрудно будет принять допущение, что возможны, по меньшей мере, две формы рыночной экономики (А и Б). отличимые друг от друга хотя бы из-за различий в устанавливаемых ими человеческих, экономических к общественным отношениям.

К первой категории (А) я бы отнес повседневный рыночный обмен, местную торговлю или обмен на небольшие расстояния - поставки хлеба или леса в ближайший город - и даже торговлю в несколько более широком радиусе, если она носит регулярный, предсказуемый, рутинный характер и открыта как для крупных, так и для мелких торговцев.

Таковы поставки зерна из Прибалтики через Данциг в Амстердам в XVII веке, поставки растительного масла и вина из Южной Европы в Северную - представьте караваны немецких повозок, отправляющиеся каждый год за белым вином в Истрию.

Хорошим примером таких обменов, не таящих никаких сюрпризов, где все как на ладони, где всякому заранее известна подноготная любой сделки и можно всегда прикинуть будущую прибыль, может служить рынок небольшого городка - местечка. На нем встречаются, главным образом, производители - крестьяне, крестьянки, ремесленники и покупатели - либо из самого местечка, либо из близлежащих деревень.

Изредка появляются самое большее два-три торговца, т.е. посредника между производителем и потребителем. Такой торговец может при случае нарушить жизнь рынка, подчинить его, повлиять на цены, маневрируя запасами товара: может случиться, что мелкий перекупщик, в нарушение установленного порядка, перехватит крестьян у входа в местечко, купит их продукцию по сниженной цене, а затем сам станет продавать

ее покупателям - это простейший вид махинаций, распространенный вокруг любого местечка и тем более города, способный при известном распространении вызвать повышение цен. Таким образом, даже в воображаемом идеальном местечке с его упорядоченной, законной торговлей "в открытую", "из рук в руки, глаза в глаза", согласно известному немецкому выражению, не будет полностью исключен обмен по модели В, стремящийся ускользнуть от гласности и контроля. В свою очередь, регулярная торговля, в которой участвуют крупные караваны судов, груженных зерном, является гласной торговлей: кривая цен при отплытии из Данцига и по прибытии в Амстердам синхронны, а уровень прибыли скромен, но надежно обеспечен. Но если, к примеру, около 1590 года Средиземноморье поразит голод, то международные торговцы, представители крупных клиентов, тотчас заставят корабли свернуть с привычного курса, и их груз, попав в Ливорно или Геную, в три-четыре раза поднимется в цене. Здесь также экономика А может уступить позиции экономике В.

Как только начинаем движение вверх по ступеням иерархии обменов, сразу обнаруживается господство второго типа экономики, рисующего перед нами уже иную "сферу обращения". Английские историки отмечают, что начиная с XV века наряду с традиционным общественным рынком (*public market*), возникает и приобретает все большее значение другой рынок, который они называли частным рынком (*private market*), а я назову, чтобы подчеркнуть его отличие от первого, *противорынком*. Действительно, не пытается ли он избавиться от правил традиционного рынка, нередко чересчур сковывающих? Передвижные торговцы, сборщики, скупщики товаров направляются непосредственно к производителю. Они покупают непосредственно у крестьян шерсть, коноплю, живой скот, кожи, рожь или пшеницу, птицу и т.д. Иногда они даже скупают эти продукты заранее - шерсть до стрижки овец, пшеницу на корню. Простая расписка, данная в деревенской корчме или на самой ферме, служит купчей. Затем они доставят свои покупки на телегах, вьючных животных или лодках в большие города или внешние порты. Подобная практика встречается вокруг Парижа и Лондона, в Сеговии так скупается шерсть, вокруг Неаполя - зерно, в Апулии - растительное масло, на Малайском архипелаге - перец...

Если передвижной торговец не приезжает в само крестьянское хозяйство, то встреча назначается на подступах к рынку, недалеко от рыночной площади или чаще всего на постоялом дворе. Постоялые дворы служат также перевалочными пунктами, они же обеспечивают транспорт. О том, что этот вид обмена влечет замену условий коллективного рынка системой индивидуальных сделок, сроки которых произвольно меняются в зависимости от положения каждого из участников, недвусмысленно свидетельствуют многочисленные процессы, возбуждаемые в Англии по поводу расписок,

выданных продавцами. Очевидно, что речь идет здесь о неэквивалентных обменах, в которых конкуренция, являющаяся основным законом так называемой рыночной экономики, не занимает подобающего места, и где торговец обладает двумя преимуществами: он разрывает прямую связь между производителем и конечным потребителем продукции (только ему известны условия сделок на обоих концах промежуточной цепи, а следовательно, и ожидаемая прибыль), а кроме того у него есть наличные деньги, и это его главный аргумент. Таким образом, между производством и потреблением возникают длинные торговые цепочки, они утверждаются благодаря своей несомненной эффективности, в частности, в снабжении больших городов, и именно их эффективность заставляет власти закрывать глаза на нарушения или, во всяком случае, ослаблять контроль.

Между тем, чем длиннее становятся эти цепочки и чем меньше они соответствуют существующим регламентациям и подчиняются обычным формам контроля, тем отчетливее обозначается процесс капитализма. Исключительно ярко он проявляется в торговле на дальние расстояния *Fernhandel*, в которой отнюдь не только немецкие историки усматривают высшую степень обмена. Торговля на дальние расстояния преимущественно является областью свободного маневра, она действует на расстояниях, которые не дают осуществлять над ней обычный контроль, или позволяют ослабить его; она, если нужно, ведется между Коромандельским или Бенгальским побережьем и Амстердамом, между Амстердамом и таким-то торговым домом в Персии, Китае или Японии. В этой обширной зоне действий у нее есть возможность выбора, и она делает свой выбор, доводя до возможного максимума прибыль. Если вдруг размер прибыли от торговли с Антильскими островами уменьшается до скромных пределов, ничего страшного - в тот же момент торговля с Индией или Китаем обеспечит двойные барыши. Достаточно, так сказать, приложить приклад к другому плечу.

Из этих крупных прибылей складываются значительные накопления капиталов, тем более, что доходы от торговли на дальние расстояния делятся между всего несколькими партнерами. Не всякому дано войти в их круг. Напротив, местная торговля расплывлена между множеством участников. В XVI веке, к примеру, внутренняя торговля Португалии по своему объему и в предполагаемом стоимостном выражении намного превосходит торговлю перцем, пряностями и редкими снадобьями. Но эта обширная внутренняя торговля зачастую ориентирована на натуральный обмен и *потребительскую стоимость*. Торговля же пряностями находится в русле монетарной экономики. Этой торговлей занимаются лишь крупные негоцианты, сосредоточивая в своих руках невиданно большие прибыли. Те же соображения будут справедливы и для Англии времен Д.Дефо.

Неслучайно во всех странах мира из массы торговцев отчетливо выделяется группа крупных негоциантов, с одной стороны, весьма немногочисленная, а с другой - по-прежнему связанная, помимо прочих видов деятельности, с торговлей на дальние расстояния. Это явление становится заметным в Германии с XIV века, в Париже - уже с XII, а в итальянских городах даже с XII, а может быть и ранее. В странах Ислама *таджир* до появления западных купцов сосредоточивает в своих руках импорт и экспорт и руководит из своего торгового дома (т.е. уже постоянной резиденции) деятельностью торговых агентов и представителей. У него нет ничего общего с *ханути*, лавочником на базаре. Находясь в Индии, в Агре, бывшей огромным городом еще в 1640 году, один путешественник записывает, что словом "*согадор*" здесь называют "того, кого мы у себя в Испании называли бы торговцем (*megsauee*), однако иные украшают свое имя особым званием "*катару*", высшим титулом среди тех, кто занимается в этих землях торговым промыслом, и означающим: *богатейший негоциант с безупречной репутацией*". Словарь, употребляемый на Западе, отражает сходные различия. "Негоциант" (это слово появляется в XVII веке) - это французский "*катару*". В Италии огромная дистанция разделяет розничного торговца (*mercante a taglio*) и негоцианта (*negozia.nle*). подобно той, что существует в Англии между торговцем (*tradesman*) и купцом (*merchant*), который в английских портах занимается прежде всего экспортом и торговлей на дальние расстояния, или в Германии между лавочником (*Kgamee*) с одной стороны, и купцом (*Kaufmann* или *Kaufherr*) с другой.

Нужно ли говорить, что эти капиталисты на мусульманском Востоке или в христианском мире были друзьями государя, поддерживая или эксплуатируя государство? Очень рано, еще в незапамятные времена, они перешагнули национальные границы, действуя заодно с чужестранными купцами. В их распоряжении тысяча способов обратить игру в свою пользу - манипуляциями с кредитом, ставкой на хорошую монету против плохой, при этом хорошая - золотая и серебряная - монета участвовала в крупных сделках и шла к Капиталу, в то время как плохая использовалась для выплаты заработной платы работникам и мелких каждодневных расходов, т.е. уходила к Труду. Среди преимуществ капиталистов - информация, ум, культура. И они присваивают все, что в радиусе досягаемости оказывается достойным внимания - землю, недвижимость. ренты... Если бы они обладали монополией или просто достаточной властью, чтобы в девяти случаях из десяти устранить конкурента, разве можно сомневаться, что именно так бы они и поступили? Один голландский купец в письме своему собрату из Бордо советовал ему держать их общие планы в тайне, иначе, писал он, "с этим делом произойдет то же, что и с многими другими, когда, как только появляется конкуренция, уже не найдешь и воды напиться!" Наконец, именно благодаря весу своих капиталов

капиталистам удастся сохранять свои привилегии, удерживать в своих руках крупные международные торговые дела той эпохи. С одной стороны, это происходит потому, что из-за медленной скорости транспортных сообщений тех лет крупной торговле для оборота капиталов требуются значительные сроки: необходимы месяцы, а иногда и год, прежде чем вложенные суммы вернутся с соответствующей прибылью. С другой стороны, обычно крупный купец использует не только свой личный капитал, но и прибегает к кредиту, т.е. к деньгам других людей. Наконец, происходит перемещение капиталов. Уже в конце XIV века архивы франческо ди Марко Датини, купца из Прато, близ Флоренции, свидетельствуют о движении векселей между итальянскими городами и горячими точками европейского капитализма - Барселоной, Монпелье, Авиньоном, Парижем, Лондоном, Брюгге - но все это дела столь же чуждые для простых смертных, как сегодня, скажем, сверхсекретные переговоры в Банке международных расчетов в Базеле.

Таким образом, мир торговли и обмена оказывается организованным в виде жесткой иерархии, выстраивающей в соответствующем порядке всех ее участников - от самых скромных: грузчиков, докеров, разносчиков, возчиков, матросов, - до кассиров, лавочников, маклеров всех разновидностей и названий, ростовщиков и, наконец, негоциантов. Удивительная, на первый взгляд, вещь - разделение труда, быстро возрастающее по мере развития рыночной экономики, затрагивает все это торговое сообщество за исключением его верхушки - негоциантов. Вначале это дробление функций проявилось лишь на нижнем уровне: произошла специализация ремесленников, лавочников, торговцев вразнос. Однако она не затронула вершин пирамиды, поскольку вплоть до XIX века купец высокого полета никогда не ограничивался каким-либо одним родом деятельности; он, разумеется, купец, но он никогда не связан одним направлением: в зависимости от обстоятельств он - судовладелец, хозяин страховой конторы, заимодавец или получатель ссуды, финансист, банкир или даже промышленник или аграрий. В Барселоне XVIII века лавочник, торгующий в розницу (*boliguer*), обязательно специализируется: он продает либо полотно, либо сукно, либо пряности... Стоит ему, однако, достаточно разбогатеть, чтобы стать негоциантом, как он тут же отказывается от специализации: любое доступное ему выгодное дело будет относиться к его компетенции.

Эта аномалия часто привлекала внимание, однако те объяснения, которые обычно предлагались, не могут нас удовлетворить - купец-де распределяет свою деятельность между несколькими секторами, чтобы уменьшить риск: если он потеряет на кошенили, то выиграет на пряностях; если он упустит торговую сделку, то наживается на обмене денег или на ссуде крестьянину, которая вернется в виде ренты... Короче, он, якобы, действует согласно французской поговорке о том, что "не следует класть все яйца в одну корзину".

В действительности же, как я полагаю: - купец не специализируется потому, что ни одна из доступных ему отраслей не является достаточно емкой, чтобы поглотить всю его энергию. Слишком часто думают, что капитализм прошлого был мелким за недостатком капитала, который ему пришлось долгое время накапливать, чтобы вступить в эпоху расцвета. Между тем, переписка купцов и записи торговых палат довольно часто свидетельствуют о том, как порой тщетно капиталы ищут возможностей вложения. И вот уже капиталист склонен приобретать землю, являющуюся прибежищем для капитала и одновременно - социальной ценностью, но иногда и объектом современной эксплуатации, и источником существенного дохода, - так происходит в Англии, Венеции и других местах. Или же его соблазняют спекуляции городской недвижимостью. Он может также предпринять ряд пробных, но повторяющихся шагов в области промышленного производства, например, в горнорудном деле (XV-XVI века). Однако, - и это показательно - за редким исключением его не интересует система промышленного производства, он довольствуется системой надомного труда (*pulling out*), контролем над ремесленным производством - с целью наилучшей организации торговли его продуктами. По сравнению с ремесленниками и с системой паломничества, мануфактуры вплоть до XIX века будут составлять лишь малую часть всего производства; если крупный негодант так часто меняет сферу деятельности, это значит, что возможность получения большой прибыли постоянно перемещается из одного сектора в другой. Капитализм по своей сути конъюнктурен. Доныне одним из важнейших его преимуществ является та легкость, с какой он перестраивается и приспосабливается к обстоятельствам;

- в коммерческой жизни иногда проявлялась тенденция к сосредоточению на единственном виде спекуляции - торговле деньгами. Однако ее успех никогда не был долговременным, как будто здание экономики было неспособно обеспечить достаточное питание этой экономической вершины. Флорентийские банки после краткого периода расцвета терпят крах с падением Барди и Перуцци в XIV веке, а затем Медичи в XV. С 1579 года генуэзские ярмарки в Пьяченце обеспечивали *клиринг* почти для всех европейских расчетов, однако удивительное начинание генуэзских купцов продлится менее полувека, до 1621 года. В XVII веке Амстердам будет, в свою очередь, блистательно господствовать над потоками европейских кредитов, однако в следующем веке и этот опыт потерпит крах. Финансовый капитализм добьется успеха лишь в XIX веке, после 1830-1860 гг., когда банк подчинит себе всю промышленность и торговлю, и когда экономика в целом обретет силу достаточную, чтобы надежно поддерживать эту конструкцию.

Подведем итог. Налицо два типа обмена: первый - приземленный, подчиненный конкурентной борьбе, поскольку гласный, второй - высшего порядка, крайне сложный,

стремящийся к господству. Ими управляют совершенно разные механизмы и разные люди, и лишь ко второму, ко не к первому, относится сфера капитализма. Я не отрицаю возможность хитрого и жестокого капитализма в грубых деревенских башмаках. По словам профессора Далина из Москвы, Ленин даже утверждал, что если в социалистической стране дать свободу сельскому рынку, то это приведет к возрождению всего древа капитализма. Я также не отрицаю существования микрокапитализма лавочников - Гсршенкрон утверждает, что именно оттуда вышел истинный капитализм. Соотношение сил, основанное на капитализме, может обозначиться и проявиться на любом из этажей общественной жизни. Однако, именно на вершине общества капитализм впервые разворачивается на полную мощь, утверждает свою силу, становится зримым. Искать его следует на высоте таких фигур как Барди, Жак Кср, Якоб Фугтер, Джон Лоу, Неккер, - именно там есть все шансы его найти.

Капитализм и рыночную экономику обычно не различают потому, что они развивались одновременно - со Средних веков до наших дней, а также потому, что капитализм часто представляли как двигатель или вершину экономического прогресса. В действительности, все несет на своей широкой спине материальная жизнь: если она набирает силу, то все движется вперед; вслед за ней, в свою очередь, быстро усиливается

рыночная экономика, расширяя свои связи. Однако от этого роста всегда выигрывает капитализм. Я не думаю, что Иозеф Шумпетер был прав, когда представлял предпринимателя неким *deus ex machina*. Я упорно продолжаю считать, что решающим является общее движение, и что любой капитализм соответствует прежде всего той экономике, на которую он опирается.

IV

Будучи привилегией немногих, капитализм немыслим без активного пособничества общества. Он необходимо является реальностью социального и политического порядка и даже элементом цивилизации. Ибо необходимо, чтобы в известном роде все общество более или менее сознательно приняло его ценности. Однако, так случается не всегда.

В структуре любого общества выделяются несколько "множеств": экономическое, политическое, культурное, социально-иерархическое. Экономическое "множество" может быть понято лишь в связи с другими "множествами": растворяясь в них, оно открывает им свои двери. Происходит постоянное действие и взаимодействие. Капитализм, являющийся особой и частной формой экономического "множества", может получить свое полное объяснение лишь в свете соседства и взаимопроникновения с другими "множествами", лишь таким образом он обретает свое подлинное лицо.

Так, современное государство, которое не произвело, а лишь унаследовало капитализм, то поощряет его, то препятствует ему. то даст действовать, то стремится сломать его механизм. Капитализм торжествует лишь тогда, когда идентифицирует себя с государством, когда сам становится государством. Во время первой большой фазы его развития в городах-государствах Италии - Венеции, Генуе, Флоренции - власть принадлежала денежной элите. В Голландии XVII века регенты-аристократы управляли страной в интересах и даже по прямым указаниям дельцов, негоциантов и крупных финансистов. В Англии после революции 1688 года власть оказалась в ситуации, подобной голландской. Франция запаздывала более чем *на* век: только после июльской революции 1830 года буржуазия, наконец, надежно берет власть в свои руки.

Таким образом, государство проявляет благосклонность или враждебность к миру денег в зависимости от его собственного равновесия и его собственной силы сопротивления. Аналогичны отношения с культурой и религией. В принципе, религия, являющаяся традиционной силой, говорит "нет" нововведениям рынка, денег, спекуляций, ростовщичества. Но возможны компромиссы и с Церковью. Твердя "нет", она, в конце концов, отвечает "да" настоятельным требованиям времени. Коротко говоря, она идет на *aggiornamenfo* - приспособление к современности, вчера сказали бы, на *обновление*. Огюстен Ренде отмечал, что первую - и удачную - попытку обновления предпринял еще Св.Фома Аквинский (1225-1274). Однако, хотя Церковь и, следовательно, культура достаточно рано сняли свои ограничения, со стороны первой все же сохранилась сильная принципиальная оппозиция, в частности, займам под процент, осуждаемым как ростовщичество. Утверждалось даже с некоторой, правда, поспешностью, что эта щепетильность была устранена только Реформацией, и что в этом состоит скрытая причина расцвета капитализма в странах Северной Европы. С точки зрения Макса Вебера, капитализм в современном смысле этого слова является не больше и не меньше как порождением протестантизма или, точнее, пуританства.

Все историки выступают против этого остроумного положения, хотя им и не удастся от него избавиться раз и навсегда: оно снова и снова возникает перед ними. А между тем, это явно неверное положение. К северным странам лишь перешло то место, которое до них долгое время блистательно занимали старые центры средиземноморского капитализма. Они ничего не изобрели ни в технике, ни в везении дел. Амстердам копирует Венецию, как Лондон вскоре будет копировать Амстердам, и как затем Нью-Йорк будет копировать Лондон. Каждый раз при этом сказывается смещение центра тяжести мировой экономики, происходящее по *экономическим* причинам, не затрагивающим собственную и тайную природу капитализма. Это окончательное перемещение центра в самом конце XVI века из Средиземноморья к северным морям означает победу новых

стран над старыми. Оно означает также важное изменение масштабов. Благодаря новому возвышению Атлантики происходит расширение экономики в целом, обменов, денежных запасов; и в этом случае так же быстро развивающаяся рыночная экономика, выполняя решения, принятые в Амстердаме, понесет на своей спине выросшее строение капитализма. В конечном счете, мне представляется, что ошибка Макса Вебера коренится в первоначальном преувеличении роли капитализма как двигателя современного мира.

Однако основная проблема состоит в другом. Подлинная судьба капитализма была в действительности разыграна в сфере социальных иерархий.

В каждом развитом обществе имеется несколько иерархий, несколько своего рода лестниц, позволяющих подняться с первого этажа, где прозябает основная масса народа - *Grundvolk*, по выражению Вернера Зомбарта: религиозная иерархия, иерархия политическая, военная, различные денежные иерархии. Между теми и другими, в зависимости от времени и места, наблюдаются противостояния, компромиссы или союзы, иногда даже слияние. В XIII веке в Риме религиозная и политическая иерархии сливаются, но вокруг города возникает опасный класс владетельных сеньоров, которым принадлежат обширные земли и неисчислимые стада, - и это в то время как банкиры Курии - выходцы из Сиены - начинают занимать высокое положение в местной иерархии. Во Флоренции конца XIV века старинная феодальная знать полностью сливается с новой крупной торговой буржуазией, образуя денежную элиту, к которой по логике вещей переходит и политическая власть. В других социальных условиях, напротив, политическая иерархия может подавлять все остальные, как это происходит, к примеру, в Китае при династии Мин и Манчжурской династии. Та же тенденция, хотя и менее отчетливо и последовательно, проявляется и в монархической Франции при Старом Режиме, который долгое время держит купцов, даже богатых, на третьестепенных ролях и выводит на передний план главную - дворянскую - иерархию. Во Франции времен Людовика XIII путь к могуществу лежит через близость к королю и двору. Первым шагом подлинной карьеры Ришелье, обладавшего скромным саном епископа Люсонского, было место духовника вдовствующей королевы Марии Медичи, благодаря которому он приблизился ко двору и вошел в узкий круг правителей Франции.

В каждом обществе свои пути удовлетворения личного честолюбия людей, свои типы преуспеяния. Хотя на Западе и нередко преуспевают отдельные личности, история постоянно твердит один и тот же урок: личный успех почти всегда следует относить на счет семей, бдительно, настойчиво и постепенно увеличивающих свое состояние и свое влияние. Их честолюбие уживается с терпением и растягивается на долгий период времени. Тогда, значит, надо воспевать достоинства и заслуги старинных семей, древних

родов? Применительно к Западу, это будет означать то, что позже стали называть общим термином "история буржуазии", являющейся носительницей капиталистического процесса, создающей или использующей ту жесткую иерархию, которая станет стовым хребтом капитализма. Последний, действительно, в поисках приложения своего богатства и могущества поочередно или одновременно опирается на коммерцию, ростовщичество, торговлю на дальние расстояния, государственную службу и землевладение; земля всегда была надежной ценностью и к тому же в большей степени, чем обычно полагают, придавала владельцу очевидный престиж в обществе. Если внимательно присмотреться к жизни этих длинных семейных цепочек, к медленному накоплению состояний и престижа, становится почти в целом понятным переход от феодального строя к капиталистическому, произошедший в Европе. Феодальный строй являлся устойчивой формой раздела в пользу помещичьих семей земельной собственности - этого фундаментального богатства, - и имел устойчивую структуру. "Буржуазия" в течение веков паразитировала на этом привилегированном классе, жила при нем, обращая себе на пользу его ошибки, его роскошь, его праздность, его непредусмотрительность, стремясь - часто с помощью ростовщичества - присвоить себе его богатства, проникая в конце концов в его ряды и тогда сливаясь с ним.

Но в этом случае на приступ поднималась новая буржуазия, которая продолжала ту же борьбу. Это паразитирование длилось очень долго, буржуазия неотступно разрушала господствующий класс, пожирая его. Однако ее возвышение было долгим, исполненным терпения, постоянно откладываемым на век детей и внуков. И так, казалось, без конца.

Общество такого типа, вышедшее из феодального и само еще сохранившее наполовину феодальный характер, является обществом, в котором собственность и общественные привилегии находятся в относительной безопасности, в котором семейные кланы могут ими пользоваться относительно спокойно, а собственность является священной или, во всяком случае, претендует на такой статус, где каждый остается на своем месте. Наличие таких спокойных или относительно спокойных социальных "вод" необходимо для накопления богатства, для роста и сохранения семейных кланов, для того, чтобы с помощью монетарной экономики, наконец, всплыл на поверхность капитализм. При этом он разрушает некоторые бастионы высшего общества. но лишь с тем, чтобы возвести для себя новые. такие же прочные и долговечные.

Столь длительное вынашивание семейных состояний, приводящее в один прекрасный день к ослепительному успеху, для нас так привычно и в прошлом, и в настоящем, что нам трудно отдать себе отчет в том, что оно представляет собой одну из существенных особенностей Западного Общества. Мы замечаем ее, лишь отведя взор от Европы и наблюдая совершенно иное зрелище, которое представляют для нас

неевропейские общества. В этих обществах то, что мы называем или можем назвать капитализмом, обычно наталкивается на социальные препятствия, которые трудно или невозможно преодолеть. И именно контраст, создаваемый этими препятствиями, подсказывает нам правильные объяснения.

Оставим в стороне японское общество, процессы в котором в целом сходны с европейскими: то же медленное разрушение феодального общества, из которого в конце концов выходит наружу общество капиталистическое. Япония - это страна самых старых торговых династий: некоторые из них, возникнув в XVII веке, процветают по сей день. Однако западное и японское общества являются единственным в сравнительной истории примером того, как общество чуть ли не само собой перешло от феодального строя к капиталистическому. В других странах взаимоотношения между государством, социальными привилегиями и привилегиями денежными весьма различны, и мы попытаемся из этих различий извлечь всю возможную информацию.

Возьмем Китай и страны Ислама. Имеющаяся статистика, хотя и несовершенная, свидетельствует о том, что в Китае социальная мобильность по вертикали была выше, чем в Европе. Не то, чтобы число лиц, обладающих привилегиями, было относительно большим - китайское общество в целом было менее стабильным. Той дверью, которая делала социальную иерархию открытой, служили конкурсы мандаринов. Хотя эти конкурсы и не проводились в обстановке абсолютной честности, они, в принципе, были доступны для всех социальных слоев, во всяком случае, значительно более доступны, чем знаменитые европейские университеты в XIX веке. Испытания, открывающие доступ к высокой должности мандарина, представляли собой в действительности новую раздачу карт в социальной игре, постоянную пересдачу (*New Deal*). Однако те, кто достигал вершины, находились там лишь временно, в лучшем случае пожизненно, и состояния, которые они скапливали благодаря высокой должности, едва ли позволяли основать то, что в Европе называют крупной буржуазной династией (*grandes families*). Более того, слишком богатые и слишком могущественные семьи находились из принципа на подозрении у государства, являвшегося единственным законным владельцем земли, обладавшего исключительным правом взимания налогов с крестьян и осуществлявшего плотный контроль за деятельностью горнорудных, промышленных и торговых предприятий. Китайское государство, несмотря на сговор торговцев и коррумпированных мандаринов, было бесконечно враждебно расцвету капитализма, который даже если и развивался по воле обстоятельств, то всякий раз в конечном счете безжалостно ставился на место тоталитарным, в известном роде, государством (если не вкладывать в слово тоталитарный того уничижительного смысла, который оно приобрело в настоящее время). Настоящий китайский капитализм развивался лишь за пределами Китая,

например, в странах Малайского архипелага, где китайский торговец пользовался полной свободой действий.

В обширном мусульманском мире, особенно до XVII века, владение землей было временным, поскольку и там она по закону принадлежала монарху. Историк бы сказал, используя западноевропейскую терминологию времен Старого режима, что земля жаловалась в качестве бенефиция (т.е. а пожизненное владение), но не в качестве наследственного феода. Другими словами, сеньории, т.е. земли, деревни, земельные ренты распределялись государством, как то было когда-то при Каролингах, и возвращались государству всякий раз после смерти того, кому они были пожалованы. Для государя это было средством оплаты за услуга и привлечения на службу воинов и всадников. После смерти сеньора, сеньория и все его имущество возвращались к султану в Турции или к Великому Моголу в Индии. Можно сказать, что эти монархи, пока длилось их могущество, могли полностью заменять господствующий класс, меняя правящую элиту как рубашку, - и они без колебаний пользовались этой возможностью. Верхушка общества обновлялась, таким образом, очень часто, и семейные кланы не успевали укорениться... В недавнем исследовании каирского общества XVIII века показано, что крупным купцам удавалось удержать свои позиции лишь при жизни одного поколения. Затем их поглощало политическое общество. Если в Индии жизнь торговых семей была более прочна, то это потому, что она проходила вне рамок неустойчивой вершины общественной пирамиды. в защитной среде каст торговцев и банкиров.

Учитывая сказанное, вы легче поймете выдвигаемое мною положение, довольно, впрочем, простое и правдоподобное: росту и успеху капитализма сопутствуют определенные общественные условия. Капитализм для своего развития требует определенной стабильности общественного устройства, а также определенного нейтралитета или слабости, или потворства государства. И даже на Западе встречаются различные степени такого попустительства: во многом в силу социальных и уходящих в прошлое причин, Франция всегда была страной менее благоприятной для капитализма, чем, скажем, Англия.

Я думаю, что такой взгляд на вещи не вызовет серьезных возражений. Напротив, сама собой возникает новая проблема. Капитализму необходима иерархия. Но что такое иерархия для историка, перед чьими глазами проходят сотни и сотни обществ, имеющих каждое свою иерархию? Каждая из которых с неизбежностью приводит в верхах общества к горстке привилегированных и ответственных лиц. Так было вчера, в Венеции X111 века, во всей Европе при Старом порядке, во Франции времен Тьера и во Франции 1936 года, когда лозунги демонстрантов разоблачали власть "двухсот семейств". Так же было в Японии, Китае, Турции, Индии. Так обстоит дело и сегодня: даже в Соединенных

Штатах капитализм не изобретает, а лишь использует иерархии, так же как он не изобрел ни рынка, ни потребления. В долгой исторической перспективе капитализм - это вечерний час, который приходит, когда все уже готово. Другими словами, проблема иерархии как таковая лежит за пределами капитализма, трансцендентна по отношению к нему, логически ему предшествует. И не капиталистические общества - увы! - также не устранили иерархий.

Все это открывает возможность для долгих дискуссий, которые я постарался представить в своей книге, не пытаясь поставить в них точку. Ибо это несомненно ключевая проблема, проблема проблем. Нужно ли разрушать эти иерархии, подчинение человека человеку. Да, - сказал Жан-Поль Сартр в 1968 году. Но возможно ли это в действительности?